

Следующий день ознаменовал начало их совместных прогулок. В установленное время Санаги, как всегда, приходила к Косаке; получасовым ничегонеделанием они настраивали себя на выход в город, одевались и покидали квартиру. Спустя час хождения по улице пара возвращалась домой, после чего всеми возможными способами успокаивала расшатанные нервы.

В конце дня они оценивали продуктивность своих тренировок. Санаги проверяла, сколько секунд она сможет смотреть в глаза Косаке, а тот в свою очередь — сколько секунд ему удастся подержаться с Санаги за руки.

С каждым днём парень чувствовал себя лучше и лучше. В одиночку ездить на поездах он по-прежнему не мог, однако вместе с Санаги у него получалось выдержать даже визит в кафе. Медленно, но верно он всё реже ходил мыть руки, всё меньше времени тратил на уборку, и всё слабее проявлял себя запах дезинфектанта в его комнате.

Заметив, что гермафобия Косаки даёт знать о себе не так часто, Санаги начала брать его с собой кормить животных. Лебеди в озере, бродячие коты в парке, голуби возле вокзала, чайки на побережье, даже вороны на свалке — она подкармливала всех без исключения. А Косака, немного позади, наблюдал за процессом.

Он поинтересовался, что именно Санаги нравится в животных, и ответила девушка в некоторой степени необычно:

— Давным-давно в одной книге я вычитала, что у них отсутствует понятие прошлого и будущего; существуют животные только в настоящем. Поэтому сколько бы боли они ни испытали, даже скапливаясь она как жизненный опыт, как боль она не аккумулируется. Свою первую и тысячную боль они принимают лишь за «текущую боль». Благодаря этому животные не могут впасть в отчаяние и не знают о понятии надежды, вечно пребывая в безмятежном состоянии. Один философ назвал это «полным вложением в настоящее». Однако из-за этого я и восторгаюсь их образом жизни.

— Довольно запутанно. Разве эти рассуждения нельзя свести к «мне нравятся котики, потому что они милые»?

— Но они же и вправду милые, — уязвлённо ответила девушка. — Если бы я имела возможность в кого-нибудь превратиться, то стала бы кошкой. А ещё хотелось бы крылья, как у птицы.

— Летающая кошка?

— Да причём тут кошка?

За время прогулок по городу они сделали для себя немало открытий. Места, которые раньше Косака, глядя только вперёд, обделял вниманием, теперь, вместе с Санаги, заиграли новыми

красками. Это было сродни получению нового набора органов чувств или покупке брендового объектива для старенькой камеры. Всё вокруг стало объектом пересмотра и переоценки.

Интересно, а каким этот мир видит она? — задавался вопросом Косака.

Санаги наверняка испытывала те же чувства.

— Прогулка по городу в одиночестве и прогулка по городу вместе с тобой — два совершенно разных занятия, — однажды пробормотала она, глядя вдаль.

Санаги придавала красок бесцветным частям мира Косаки, а он — наполнял цветом чёрно-белый мир Санаги, и миры их становились более явственными.

Обедать вместе вкуснее, чем в одиночку. Бродить вместе веселее, чем в одиночку. Смотреться вместе красивее, чем по одиночке. Нечто столь очевидное и не заслуживающее внимания для большинства людей, но столь незнакомое и шокирующее для Косаки и Санаги перевернуло их взгляд и на жизнь и заставило резонировать счастьем.

Они наконец смогли понять, зачем люди начинают жить вместе.

О предупреждении Идзуми Косака не забыл. Он следовал его указанию «оставить всё как есть», стараясь сохранять между собой и Санаги приемлемую дистанцию, чтобы воздержаться от чрезмерной близости. При каждом её шаге навстречу шаг назад делал он, когда же отступала Санаги — вперёд двигался уже Косака.словно в танце.

Однако расстояние между ними, как бы они ни пытались этого избежать, всё же сокращалось. Такова природа. Парень и девушка, которые много времени проводят вдвоём, вместе справляются со всеми невзгодами и делятся друг с другом собственными мирами, не могут не развивать свои отношения.

И Косака, сам того не подозревая, достиг точки невозврата. Ещё чуть-чуть, и грань между их дружбой и чем-то большим уже окажется позади. Резкий удар, из-за которого они потеряют равновесие и сгинут в пропасти, оставался лишь вопросом времени.

А время вскоре пришло. Ночью двадцатого декабря. Ночью, когда за окном без остановки шёл дождь со снегом.

Косака дремал в кресле. Не то чтобы он устал или страдал дефицитом сна. Ему просто нравилось спать, когда рядом находилась Санаги.

Это стало заведённым порядком. Девушка читала книги, а Косака в это время отправлялся в царство Морфея и видел хорошие сны. Ни определённого сюжета, ни воспоминаний по пробуждении — лишь эхонирующая счастьем фрагментированная мозаика из образов.

Открыв глаза, Косака увидел перед собой лицо Санаги.

Парень слегка подпрыгнул от удивления, однако реакция девушки оказалась куда более неожиданной. Только он поднял веки, как Санаги резко отскочила назад, напоминая ребёнка, которого заметили за чем-то плохим.

Санаги была застигнута врасплох — но вовсе не внезапным пробуждением Косаки. Их глаза встретились.

— Доброе утро.

Он улыбнулся, как бы говоря «притворюсь, что ничего не видел».

Но Санаги не ответила — лишь села на край кровати и, не отрывая взгляда от лежащего на коленях кулака, боролась с катасией в голове. Её глаза, обычно апатичные и полуприкрытые, были широко распахнуты, а губы, вечно сжатые, разошлись вверх и вниз.

Вскоре она вернулась к чувствам, подняла голову и, глубоко вздохнув, хриплым голосом проговорила:

— Прости.

Страдания Санаги, напоминающей пойманного на преступлении убийцу, поставили Косаку в тупик. Лишь спустя некоторое время он понял, что собиралась сделать девушка, — угол между их лицами в момент его пробуждения идеально совпадал с углом во время их поцелуя.

— Не преувеличивай. Я не против, — произнёс Косака. — В этот раз я тебя даже не поцарапал.

— Нет, — ответила Санаги, сильно покачав головой. — Я чуть не довела нас до точки невозврата, — она опустила взгляд обратно на колени.

Точки невозврата? — Косака задумался. На ум приходило лишь одно — наказ Идзуми «не переступать черту», который Санаги, судя по всему, вот-вот была готова нарушить.

Ситуация, конечно, была опасная, однако реакция Санаги всё равно казалась Косаке чересчур драматичной. К тому же однажды им уже довелось поцеловаться, хоть и через маску, и он никак не мог понять, чем нынешний эпизод отличается от прошлого.

Однако следующая фраза Санаги повергла его в шок:

— Мне кажется, что если мы останемся вместе, я тебя убью.

Девушка тоскливо улыбалась и не сводила с Косаки взгляда.

Вытирая слёзы, она встала с кровати.

— Я больше не приду.

И, ничего не добавив, выбежала из квартиры.

К тому времени, как Косака успел оправиться от замешательства и решил ринуться за ней, Санаги уже нигде не было.

Город покрывался мокрым снегом.

Косака вновь остался один.

***

Прошло несколько дней.

Косака понимал, что поиск ответов на вопросы не поможет вернуть Санаги, но ничего поделать с собой он не мог и потому продолжал думать о причинах её исчезновения.

Вероятность ошибки со своей стороны он сразу же отмёл. Их отношения за последние десять дней развивались как никогда благосклонно, и Косака был уверен, что Санаги, как и ему, нравится их совместное времяпрепровождение.

Значит, ушла она не потому, что возненавидела меня, — решил он. — Однако... как она сама сказала, я многого о ней не знаю, и всё это время я находился под впечатлением, которое сам же себе и выдумал.

Но при этом одно он знал точно. В Санаги пребывало «нечто» куда более опустошающее, чем скопофобия, и именно «нечто» мешало ей взаимодействовать с другими людьми. Уверен Косака был по наитию, какие-либо доказательства у него отсутствовали. Её страх перед окружающими — лишь симптом, произрастающий из чего-то крайне серьёзного.

Однако, какое бы разочарование в него ни сеял побег Санаги, её поступок не был ничем из ряда вон выходящим, если вспомнить о шести парнях, пробовавших завести с ней дружбу до него. Возможно, победители в этой игре не предусматривались изначально.

Лишь одна вещь никак не выходила у него из головы. Что Санаги имела в виду под «я тебя убью»? Считать это излишним выражением беспокойства обо мне или интерпретировать в

прямом смысле слова? ... Нет, пора остановиться. Размышления о прошлом не приводят ни к чему хорошему.

Жизнь Косаки вернулась в прежнее русло, каким оно и было до встречи с Санаги. Поначалу он страдал от дневного безделья, но вскоре привык и вернулся к ещё не забытым жизненным ритуалам, которым он посвятил более пяти лет. Он начисто убрался в комнате, отмыл следы крови на полу и пошёл в душ, чтобы вымыть из себя чувства к Санаги.

***

Двадцать четвёртое декабря, шестнадцать ноль-ноль. До активации творения Косаки, «Тихой_Ночи», оставалось меньше часа. Количество заражённых устройств доподлинно известно не было. Создатель вируса рассчитывал минимум на несколько тысяч, поскольку его червь на фундаментальном уровне отличался от всего ранее сделанного вредоносного ПО для телефонов.

Однако даже сам Косака не до конца осознавал, насколько революционным проектом является его детище. Вирусы, отключающие функции связи в телефонах, существовали и раньше, например, обнаруженные в две тысячи девятом году «SilentMutter» и «Radiocutter» или большинство троянов две тысячи одиннадцатого, но ни один из них не мог конкурировать с «Тихой_Ночью» по масштабам распространения: только этот червь имел функцию самореплицирования в заражённой сети, что делало его по-своему уникальным. Масла в огонь добавляло отсутствие антивирусов, способных вычислить и отключить его ПО.

На борьбу с разрушительными последствиями эпидемии вируса «Melissa», датированной мартом девяносто девятого, было потрачено около восьмидесяти миллионов долларов. Годом позднее, в двухтысячном, вирус «Loveletter», также известный как «ILOVEYOU», нанёс мировой экономике ущерб уже в несколько миллиардов. Взбудоражить мир смогло написанное в одиночку программное обеспечение, которое всего лишь проделывало путь от устройства к устройству. «Тихая_Ночь» при хорошем раскладе если и не взбудоражит мир, то по крайней мере на несколько дней привлечёт к себе внимание общественности.

Косака, однако, едва ли горел желанием наблюдать за работой своего проекта. Раньше «Тихая_Ночь» была для него смыслом жизни, но сейчас в душе царил пустота. Связано это с Санаги или нет, он не знал сам.

— Пойду с повинной, — прошептал Косака.

Он вовсе не думал о том, что личная явка в полицию будет сулить ему меньшим сроком, чем если бы за него всё рассказал Идзуми. Косаке просто казалось, что так будет правильнее.

Он уже оделся и подошёл к двери, как зазвонил интерком. Косака знал, что это не Санаги, и сразу же подумал на Идзуми, но интуиция и здесь его подвела.

В дверях стоял сотрудник службы доставки. Он тут же протянул хозяину квартиры ручку и квитанцию. Косака расписался, и мужчина, передав ему бумажный пакет, быстро ушёл.

Косака вернулся в гостиную и открыл посылку. Внутри лежал винно-красный шарф и спрятанный в нём конверт, который сразу же упал на пол и явил Косаке пачку купюр, стоило ему полностью вытащить шарф из пакета.

Парень поднял конверт и спрятал его в карман пальто. Пересчитывать банкноты он не стал, ибо и без того прекрасно знал, сколько там денег и зачем их ему отправили.

Условием Санаги в начале общения между ней и Косакой было получение половины его гонорара, чтобы поставить их в равное положение и лишить парня мысли о том, что он лишь отработывает свои деньги. И теперь, когда их отношения дали крен, смысла поддерживать это равенство уже не было.

Косака снял с зарядки вечно на ней стоявший смартфон, сложил шарф в рюкзак и направился в участок. По неизвестной причине он думал, что лично сообщить о совершённом преступлении лучше, чем звонить по телефону.

Маску и перчатки — в качестве хоть какого-то наказания — Косака оставил дома.

По дороге Косака достал записку из конверта и принялся её читать:

«Я, должно быть, сильно тебя напугала своим внезапным исчезновением. Прости. Мне самой хотелось бы во всём объясниться, но я не могу. Любые слова, сколько бы я ни пыталась подобрать подходящие, наверняка приведут тебя лишь в большее замешательство. С уверенностью могу сказать лишь одно: к произошедшему ты никак не причастен и вся проблема заключается исключительно во мне. Лишь я виновата в том, что возжелала чувств, к которым совершенно не была готова».

Для своего возраста она имела весьма аккуратный почерк, а манера письма отличалась от присущего Санаги неформального тона. Но ничего плохого в этом не было. Косака чувствовал, что написанное в записке лучше отражает внутренний мир девушки, чем её речь.

Он перевёл взгляд на вторую часть записки.

«Мне нравилось коротать время у тебя дома, мистер Косака. Просто ничего не делать и думать о своём. Я впервые за всю жизнь испытала подобное чувство умиротворения. Думаю, всё это благодаря не безразличному мне человеку, который всегда был рядом. Спасибо тебе за чудесные дни, что мы провели вместе».

Косака молча перешёл к третьей части.

«Не подумай, это не попытка за всё отплатить, но я связала для тебя шарф. Да, это то самое девчачье хобби, которого я стеснялась. Если не понравится, можешь выкинуть, я не против. Честно сказать, мне просто хотелось хоть раз сделать тебе подарок».

Четвёртый лист.

«Я лично попросила Идзуми оставить тебя в покое, мистер Косака. Ко мне он всегда предельно снисходителен, поэтому причин сомневаться в выполнении им моей просьбы нет. На самом деле изначально я планировала сказать тебе только это, но всё продолжала и продолжала писать. Прости».

А подытоживалось письмо словами:

«На этом всё. Забудь обо мне. И прощай».

К полицейскому участку Косака подошёл примерно в то же время, как закончил читать письмо, и встал перед входной дверью. Часы внутри пробили пять часов вечера.

Он убрал записку в карман, достал из рюкзака шарф и принялся его рассматривать: аккуратно связанная ткань и арановым узором. Подарок Санаги легко можно было спутать с вещью из магазина.

Косака надел шарф. Надел шарф, зная, что он ручной работы. И зная, что это весьма странно. Человек, ненавидящий всё приготовленное, написанное и сделанное чьими-либо руками — даже будь это руки Санаги — по отношению к этому шарфу не мог не испытывать отвращения. В голове Косаки возникло противоречие, которое не получится разрешить простым «на улице очень холодно, и я не хочу морозить шею».

Он натянул шарф до носа и, просто стоя и любуясь красными фонарями, потерял счёт времени.

И вдруг понял, насколько безнадежно он влюблён в Хидзири Санаги.

Двадцатисемилетний парень любит семнадцатилетнюю девушку.

Но Косака не находил свои чувства постыдными. Всего лишь неправильная любовь между двумя неправильными людьми, заточёнными в неправильные обстоятельства. Ничего особенного.

Он развернулся. Стремление заявить о своём преступлении сошло на нет.

Дальнейшие действия Косака выполнял чуть ли не машинально. Впервые за несколько дней он включил свой смартфон и набрал номер Санаги, однако после первого же гудка звонок был

сброшен. Весьма странно. Он пробовал снова и снова, но результат оставался прежним. Телефон Санаги не был выключен и находился в зоне действия сети. Она сама сбрасывала его звонки?

И в тот самый момент Косаку озарило. «Тихая_Ночь». Вирус мог превзойти все мои ожидания и распространиться настолько масштабно, что попал даже к Санаги. Впрочем, неудивительно.

Его охватила растерянность. Если догадка была верна, то возможность дозвониться до Санаги он потерял всего лишь несколько минут назад. Попытка пойти к ней домой тоже обречена на провал: он не знал её адреса. Подождать двое суток, пока не деактивируется червь? Косака покачал головой. Нет, так не пойдёт. Либо он встретится с Санаги сегодня, либо лишится этой возможности навсегда. Времени откладывать встречу больше не было. Но где ему её искать, за что ухватиться? Он лихорадочно перебирал мысли у себя в голове, но ничего дельного на ум не приходило.

Какая ирония, — усмехнулся Косака. — Мой червь, призванный доставить проблемы влюблённым парам, бумерангом вернулся к своему создателю. Так вот что значит «зло всегда возвращается злом».

Его щеки коснулся лёгкий холодок, и он запрокинул голову. Снег? Он поднял ладонь, выжидая, когда на неё упадёт снежинка, и лишь сейчас заметил, что он без перчаток. И в этот миг его мозг начал перебирать одну мысль за другой. Перчатки. Тренировка. Рука. Рука Санаги. Железнодорожная станция. Гирлянды. Канун Рождества.

«К кануну Рождества я смогу ходить по улице, не беспокоясь о взглядах окружающих. А ты, мистер Косака, сможешь держаться с людьми за руки и не думать о грязи. Давай пообещаем друг другу, что в канун Рождества мы, взявшись за руки, пойдём гулять по залитой светом гирлянд привокзальной площади, а потом скромно отпразднуем приближающееся Рождество.»

Если он и сможет её где-нибудь встретить, то только там.

Косака рванул к станции и запрыгнул в уже отбывающий поезд. Пройгнорировав несколько свободных сидений, он прислонился к стене и принялся восстанавливать дыхание, параллельно доставая телефон. Нужно проверить, сколько людей в интернете за последние несколько часов пожаловались на новый вирус, и тем самым выяснит, как далеко я зашёл. Косака обнаружил лишь пять упоминаний и уже хотел было расслабиться, как тут же осознал собственную недалёкость. Жертвы «Тихой_Ночи», не имея они под рукой другого устройства, не смогут выйти в сеть и что-либо написать. Смотреть в интернете, сколько людей этим самым интернетом не могут воспользоваться, — то же самое, что вычислять потери с помощью поимённой переключки.

Он смирился с невозможностью проверить состояние заражённости сети и вернул телефон в карман. До критического момента ещё должно было оставаться какое-то время.

Когда Косака сошёл с поезда и миновал турникеты, его окликнул мужчина средних лет.

— Прошу прощения за столь наглую просьбу, но нельзя ли у Вас одолжить телефон? — попросил он. — Мой внезапно сломался, а мне срочно нужно позвонить. Список контактов работает, но при этом не получается набрать номер или отправить сообщение по электронной почте. Я хотел было воспользоваться таксофоном, но, как видите...

Он указал на весьма необычную картину.

К расположившимся неподалёку от турникетов трём телефонам-автоматам тянулись длинные извивающиеся очереди. Трое находившихся в будках людей, сверяясь с экранами смартфонов, набирали чьи-то номера. И причиной всему этому наверняка являлся червь.

Косака сглотнул. Ситуация оказалась куда более серьёзной, нежели он предполагал.

На счету была каждая секунда, однако Косака всё же протянул незнакомцу свой телефон. Не зная, что стоявший перед ним великодушный парень и является инициатором происходящей суматохи, тот низко поклонился и сказал «спасибо».

Пока мужчина был занят звонком, Косака пытался понять, как связаться с Санаги. И внезапно понял.

Понял, что связываться с ней не нужно.

Если Санаги сама захочет со мной встретиться, то сегодня ночью она точно должна прийти. Ведь она обещала. А если же не хочет, то и телефонный звонок мне ничем не поможет. Сейчас стоит беспокоиться лишь о том, что, даже если она придёт, я не смогу её найти среди всех этих людей.

Работник станции поставил возле турникетов указатель, возле которого тут же начали толпиться люди. Мужчина наконец закончил разговор, вернул смартфон хозяину, ещё раз поблагодарил его и удалился. Воспротивившись сильному желанию продезинфицировать устройство, Косака положил телефон в карман и вышел на площадь. Если Санаги и появится, то только здесь.

Площадь заполонило множество одиноких фигур. Может, и не все, но многие из них определённо потеряли возможность воспользоваться телефоном и теперь не могут встретиться с теми, с кем должны были.

Люди курят и недовольно смотрят вдаль. Люди сидят на скамейках и без конца оглядываются. Люди беспокойно снуют по площади. Это сцена напомнила ему о временах, когда мобильные телефоны ещё не вошли в обиход.

Косака присел на лавку под часами, продолжая смотреть на окруживший станцию поток людей. Его чувства были напряжены до предела, и он не пропускал ни одного человека,

входившего или выходившего с платформы.

Прошёл час. Второй. Косака с надеждой вглядывался в каждую девушку с короткими светлыми волосами, но эта надежда не помогала ему разглядеть в них Санаги.

Усилившийся снег постепенно убавлял количество людей на плазе. Косака не сразу заметил, что окружающих теперь и вовсе можно было пересчитать пальцами одной руки. Необходимости напрягать органы чувств уже не было — толпы на станции заметно поредели.

К концу подошёл уже третий час.

Быть может, ждать дальше уже бессмысленно, — думал он. — Наше обещание давно ничего не значит.

Косака вздохнул и поднял взгляд к ночному небу. Он весь промёрз, особенно его ноги, однако невероятная холодность его тела не шла ни в какое сравнение с морозом, заполонившим дыру в его груди, которую с исчезновением Санаги оставило какое-либо тепло. А если что и осталось, то оно лишь усиливало ощущение внутреннего холода.

В свои двадцать семь Косака впервые прочувствовал, что собой представляет одиночество. С его глаз спала пелена. До текущего момента такие вещи, как покинутость и любовь, он считал чужими и едва ли их понимал. И вот настал день, когда всё стало иначе. Возможно, поцелуй Санаги внёс в мой код какие-то изменения, — он усмехнулся.

Зазвенели часы, информируя всех о наступлении девяти часов вечера. До выключения рождественских гирлянд оставалось меньше часа.

На месте Косаку удерживало лишь упрямство. Сейчас Санаги уже точно не придёт, — рассуждал он, собственноручно убивая последнюю надежду. И отчасти был прав.

Звон часов стих. Косака оглянулся. На площади не осталось никого, кроме него самого и одинокой девушки в неброской одежде, опустившей лицо и спрятавшей его от холода за шарфом. Сидела она так уже давно, если судить по скопившемуся на её голове и плечах снегу.

Возможно, она также не смогла встретиться со своим возлюбленным, — эта мысль переполнила Косаку раскаянием. Ему до боли были знакомы её чувства.

Я должен перед ней извиниться, — решил он. — Скажу, что весь этот бардак из-за меня, что это я завидовал всем этим парочкам и создал червя, который привёл к сегодняшним событиям. Быть может, она мне не поверит и примет за сумасшедшего, но моя рассудительность уже давно почилла от холода и отчаяния.

Косака встал со скамейки и зашагал в сторону девушки. За проведённое на лавке время у него

затекли все мышцы, поэтому двигался он неуклюже, словно кукла.

— Кхм, прошу прощения.

Девушка подняла голову.

И улыбнулась.

Косака не смог выдавить из себя ни словом больше.

Он был настолько обескуражен, что у него перехватило дыхание. Его тело лишилось всех оставшихся сил.

— А я всё ждала, когда же ты обратишь на меня внимание, — произнесла девушка.

— ... Так нечестно, — проронил Косака. — Тебя вообще не узнать. Как я должен был догадаться, что это ты?

— А какой смысл меняться, если меняешь что-то одно?

Санаги медленно встала и смахнула снег с волос и пальто.

Она уже долгое время сидела прямо перед ним, а Косака просто её проглядел. Но далеко не из-за проблем со зрением, такую же ошибку допустили бы девять из десяти человек.

Образ Хидзири Санаги у Косаки ассоциировался в первую очередь с высветленными волосами. Следом шли аскетичные наушники, короткая юбка и голубая серёжка. А девушка перед ним не соответствовала ни одному из этих требований: чёрные волосы, юбка до колена, а наушников и вовсе не было. Серёжка, однако, была на месте, но заметить её издали было совершенно невозможно.

— Я уже был готов сдаться и смириться с тем, что ты не придёшь. Это крайне подло с твоей стороны, — радостно произнёс Косака.

— Я всё время сидела у тебя под носом. Сам виноват, — отшутилась Санаги.

— Кто бы говорил, — Косака нахмурил брови. — Будто сама давно меня заметила.

— Давно. По шарфу, — девушка взглянула на шею Косаки. — Приятно видеть, что ты всё же решил его надеть.

Из-за смущения Косака не сразу нашёлся ответом.

— Холодно сегодня просто... — сбивчиво произнёс он. — Кстати, твой натуральный цвет волос означает, что ты вернулась в школу?

— Ну, и это тоже.

— Есть и другая причина?

— Э-эм... — Санаги опустила взгляд по диагонали и, играясь с намокшими от снега волосами, продолжила: — Мне показалось, что тебе это должно понравиться...

Санаги засмеялась, обратив свои слова в шутку, однако Косака даже не улыбнулся.

Заледеневшая сердцевина его тела начала согреваться, в нём снова загорелся огонь.

И секундой позднее он уже держал её в объятьях.

— А? — девушка взвизгнула от удивления. — Всё хорошо? — с беспокойством спросила она, обвитая его руками.

— Не очень, если честно, — ответил Косака, ласково поглаживая её голову. — Но по какой-то причине я вовсе не против, если после тебя стану грязным.

— ... Грубиян, — девушка усмехнулась и обхватила его спину руками.

***

Оставшиеся семь дней до наступления Нового Года для Косаки и Санаги оказались самыми спокойными и плодотворными. За эту неделю они сполна компенсировали всё то, чего лишились, чего никак не могли достигнуть и на чём ставили крест на протяжении всей своей жизни; кажущееся большинству людей привычным, жалким и обыденным счастье, которое этим двоим виделось утопической мечтой: просто держаться за руки, просто стоять плечом к плечу, просто смотреть друг другу в глаза. В их биографиях эти семь дней стали самым главным событием.

За всё это время Косака ни разу не пытался пересечь грань в их с Санаги отношениях. Не из-за наказания Идзуми, не из-за нехватки смелости и не из-за того, что он мог бы найти её тело нечистым. Ему просто не хотелось заходить дальше той нежности, царившей между ним и этой девушкой. Он мог себе позволить подождать, пока она не достигнет должного возраста, и лишь потом задумываться о подобных вещах.

Санаги — возможно, чувствуя его деликатность, — так же воздерживалась от чрезмерных соприкосновений и открытой одежды, бережно стараясь лишней раз не возбуждать Косаку. И за готовность к сотрудничеству он был ей очень благодарен. Самоконтроль, какой бы ни была у них разница в возрасте, при излишних проверках на прочность в любой момент мог разбиться в пух и прах.

По правде говоря, в последние несколько дней уходящего года из-за разразившегося в период с кануна Рождества по рождественскую ночь хаоса мир охватила серьёзная паника. Будучи первым мобильным червём, которому удалось распространиться в таких больших масштабах, «Тихая_Ночь» определённо внесла свою лепту в историю вредоносного программного обеспечения. Однако не читавший газеты и не смотревший новости по телевизору Косака никак об этом узнать не мог.

Для него ничего не имело значения. Ничего, кроме Санаги, которая, как ему казалось, заслуживала внимания больше, чем весь окружающий мир.

Позже он будет вспоминать об этих временах.

Возможно, в глубине души я уже тогда догадывался, что подобное происходит со мной в первый и последний раз. Именно поэтому я столь бережно относился к каждой секунде, проведённой с Санаги.

Словно увидев будущее собственными глазами, Косака был уверен в недолговечности этих счастливых дней.

Возможно, то было обычное чувство, червём прорывающее себе путь в его голову.

По поводу «если мы останемся вместе, я тебя убью» он решил не спрашивать, решив, что ответ на вопрос сократит их и без того короткие отношения.

Даже если возобновление их общения и вправду послужит для Санаги поводом убить его, он не будет против. Если захочет со мной покончить — пускай, я не стану мешать. Без неё моя жизнь всё равно не имеет смысла.

Первое января, время к обеду. После посещения храма в честь Нового Года Косака и Санаги вернулись домой, занавесили окна и задремали на кровати. Однако стоило Косаке максимально приблизиться к погружению в сон, как к реальности его вернул звонок интеркома.

Санаги, спавшую у него на коленях, Косака аккуратно переложил на постель, пошёл открывать дверь и не особо-то расстроился, увидев Идзуми в качестве гостя.

— Я как раз думал, что Вы вот-вот должны прийти — сказал парень, щурясь от света.

— Хидзири Санаги здесь? — спросил Идзуми. Из-за яркого света у него за спиной разглядеть выражение лица мужчины представлялось невозможным.

— Да, она сейчас спит. Разбудить?

— Да. Прости, но сейчас это необходимо.

Косака вернулся в комнату и аккуратно покачал Санаги за плечи.

— Идзуми зовёт, — сказал он, и девушка тут же широко раскрыла глаза и встала с кровати.

По наставлению мужчины Косака и Санаги заняли задние места припаркованной неподалёку от дома машины, серой и невзрачной, которую легко можно было бы потерять на большой парковке. Внутри было тепло, а от сидений шёл лёгкий приятный запах.

С первого оборота колёс прошло уже немало времени, однако ни один из них не проронил ни слова. Лишь добравшись до холма и остановившись на светофоре, Идзуми нарушил тишину:

— Кенго Косака. Настало время узнать правду, какой бы шокирующей она ни была.

— Идзуми, — прервала его Санаги, — не надо...

Однако мужчина проигнорировал её просьбу.

— В твоей голове обитает новый вид паразита. Официального названия у него пока ещё нет, поэтому мы называем его просто «червём». Дабы избавить тебя от утомительных объяснений, скажу лишь, что в твоей непригодности для общества виноват именно этот «червь».

Косака подумал, что это просто какая-то шутка.

Глупая шутка, понятная только Идзуми и Санаги.

Но по выражению лица сидящей рядом девушки становилось понятно, что никто и не думал шутить.

Она опустила голову. Её губы охватила дрожь. Лицо приняло бледный оттенок.

Будто ей было очень стыдно за то, что Косака всё это узнал.

— Такой же «червь» находится в голове Хидзири Санаги, — продолжил Идзуми. — И эти черви

взывают друг к другу. Ты наверняка был уверен, что Хидзири Санаги — твоя уготованная судьбой половинка, однако все эти чувства порождены паразитом. Ты не более чем его марионетка.

В зеркале заднего вида отражалось абсолютно серьёзное лицо Идзуми.

Косака повернулся к Санаги, желая услышать слова, опровергающие услышанное.

Но единственным, что сорвалось с её уст, было:

— ... Прости, что всё это время тебя обманывала.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/281299>